
ПЕРСОНАЛИИ

УДК 378(092)

О времени, о педагогике и о себе... Интервью с доктором педагогических наук, профессором ВятГУ В. Б. Помеловым*

– Владимир Борисович, в начале нашей беседы расскажите о своем детстве.

– Мой отец Борис Еремеевич был специалистом в области вагоностроения, и ему не раз поручали ответственную работу по организации производства железнодорожных вагонов для СССР в ряде стран народной демократии. Он давал личную гарантию на изготовленные под его надзором вагоны сроком на 40 лет, поэтому буквально до конца жизни переживал, не будет ли рекламаций. Но всё как-то обошлось. В Кирове он длительное время занимал должность начальника вагонного отдела Кировского отделения Горьковской железной дороги. Мама, Нина Алексеевна, работала в книжном магазине, который располагался в доме по ул. Комсомольской, 37. Этот дом раньше называли «Золотым колосом» по наименованию расположенного в нем гастронома. И мы в этом доме жили. Причем дверь нашего пятого подъезда и дверь служебного входа в книжный магазин располагались в нескольких сантиметрах друг от друга, поэтому маме не было необходимости надевать верхнюю одежду, отправляясь на работу.

– Теперь понятно, откуда у вас любовь к книгам.

– Да, с раннего детства я был окружен ими. Кроме того, родители выписывали немислимое, особенно по теперешним понятиям, количество периодических изданий, где-то порядка тридцати. Всё это стоило тогда совсем недорого. Даже в те годы, когда родители были в очередной длительной зарубежной командировке, я, будучи старшеклассником, а затем и студентом, продолжал выписывать практически столько же.

Родители по отцу, – они жили в Котласе, – также были большими книголюбями. Именно в домашней библиотеке деда я прочитал свою первую книгу. Это были мемуары воспитанницы К. Д. Ушинского по Смольному институту Е.Н. Водовозовой «На заре жизни и другие воспоминания». Вся книга – примерно тысяча страниц. Это было летом 1960 года. Я должен был пойти в 1 класс, и соседская девочка напугала меня тем, что я не умею читать, «а это очень, очень плохо». Она показала мне буквы, и я потихоньку начал дальше разбираться сам. Именно там, в Котласе, я впервые увидел книги, изданные в СССР в довоенные годы, написанные по-русски, но латинским шрифтом. Это была такая идея в то время, – перейти на латиницу. Но потом от нее отказались и распорядились в библиотеках все такие книги уничтожить.

Вообще в школьные и последующие годы я получил, главным образом путем самообразования, сильную подготовку в области гуманитарных знаний.

В Котласе у меня было любимое место, на берегу Северной Двины. Огромная, всегда очень холодная река... По сравнению с ней Вятка – просто речушка. Поездки на теплоходе в Сольвычегодск, Великий Устюг, посещение единственного в России музея Сталина... Плавание взапуски к памятнику погибшим кораблям... (Папина сестра познакомилась с мужем прямо на корабле во время обороны Севастополя).

Мамины родители имели огромный дом в слободе Соловьевской, на том самом месте, где сейчас стоит школа № 57. Кругом были пустыри, на которые я вместе с двоюродными

* С В. Б. Помеловым беседовал главный редактор журнала Н. А. Низовских.

братьями водил пастись корову. Нынешний парк имени С. М. Кирова был густым и страшным Соловьевским лесом, куда нам, маленьким детям, запрещалось ходить...

– *Какой город Вы считаете своим родным?*

– Практически вся моя жизнь связана с Кировом. В 2014 г. я даже получил общественную премию «Вятский горожанин» с формулировкой «За продвижение имени *Вятка* в европейском пространстве». Дело в том, что годом ранее в Саарбрюккене вышли две мои книги общим объемом тысяча страниц – «Российская педагогика в лицах» и «Просветительство русской православной церкви в российской провинции» в издательствах LapLambert и Sanktum. В них была широко представлена вятская тематика.

Вообще, на тему *Просвещение на Вятке* мной опубликовано порядка пятисот публикаций, в том числе более десятка книг и зарубежных статей, включая материалы в журналах Scopus.

Но из песни слова не выкинешь: родился я вдали от Родины, в ГДР. Как раз в это время, 17 июня 1953 г., в Восточном Берлине начались волнения рабочих, грозившие перекинуться на другие регионы страны. В этих условиях было принято решение семьи советских гражданских лиц укрыть в наших военных городках. А ближайший к Веймару, где жила наша семья, военный городок располагался на территории бывшего концлагеря Бухенвальд. В медсанчасти Бухенвальда я и появился на свет 8 июля. Правда, в паспорте значится Веймар. Что ж, я этому только рад. Веймар – это город, объявленный ЮНЕСКО бесценным наследием человечества, поэтому это единственный в мире город-музей, в котором запрещено всякое строительство. Именно здесь творили Гете, Шиллер, Виланд, Гердер, Мендельсон, Лист, Бах, Штейнер (вальдорфская педагогика), Ницше, Лукас Кранах и другие великие люди.

– *Для каждого человека школьные годы – самые чудесные. А чем они запомнились Вам?*

– Прежде всего, это хоккей, а потом всё остальное. Позади нашего дома, на пригорке, были две хоккейные «коробки» с освещением. Специальный дворник от домоуправления заливал и чистил их для нас. При первой же возможности каждый день все мальчишки, и я в числе первых, пропадали там до позднего вечера, несмотря на холода или оттепель. Как-то пришел домой и, будучи от усталости не в силах позвонить, так и уснул у дверей квартиры. При этом надо было почти каждый день еще успевать в музыкальную школу; зря что ли родители из Веймара вывозили пианино с клавишами из слоновой кости?! Сейчас в хоккей, конечно, давно не играю, но зато всю жизнь плаваю в бассейне, а последние десять лет ежедневно.

Огромным увлечением для нас со старшим братом Сергеем были шахматы, которые в те годы были очень популярны. Мы даже выписывали три специализированных журнала: «Шахматы в СССР», «64» и «Шахматы – Рига». Разбирали все публиковавшиеся там партии, всё это тщательно анализировали. Званием кандидата в мастера спорта по шахматам брат очень гордился. Это было очень почетно. В то время в Кирове был только один мастер по этому виду спорта, причем с «шахматной» фамилией, – Михаил Михайлович Шахов. Думаю, если бы мы с братом продолжили заниматься шахматами, мы могли бы добиться больших успехов. Но меня всё время точила мысль, правильно ли я поступаю, что трачу так много времени на шахматы, причем явно в ущерб школьным урокам. И тут мне попала на глаза статья из «Пионерской правды» под названием «Ленин и шахматы». Владимир Ильич, оказывается, также терзался в детстве подобными сомнениями, которые он выразил такой формулой: «Для игры – шахматы слишком серьезны, для серьезного дела – слишком игра». После этого я оставил шахматы; посвятить им жизнь я не решился.

Кстати, в школе я не вступал в комсомол, чтобы не терять время на пустопорожние «мероприятия». Зато впоследствии, работая в школе, я должен был заниматься подготовкой своих воспитанников к вступлению в ряды ВЛКСМ. Что поделаешь, как принято говорить: не мы такие, жизнь такая!

Мы до сих пор ежегодно встречаемся со школьными друзьями по 31-й школе. Более половины товарищей уже, к сожалению, нет в живых. И Вы знаете, я давно уже стал одним из двух человек, кто до сих пор продолжает трудовую деятельность. Я слишком долго и много учился и накапливал знания, чтобы в одночасье всё бросить и уйти. Если взять, например, последние три года (1918–2020), то в этот период у меня вышли около полутора сотен публикаций, в том числе одиннадцать книг. И планы далеко не исчерпаны.

Первые свои «романы» я написал еще в детстве, в пятом классе. Конечно, это было подражание тогдашним литературным кумирам. Но объем у этих рукописных «книг» был немалый, и занимал обычно объем так называемой общей тетради. Сверстники читали, но далеко

не все верили, что это я написал сам. Некоторые думали, что это я специально переписывал от руки книги каких-то других авторов, чтобы их удивить. Меня такое «неверие» только радовало; оно означало, что в моих опусах «что-то есть».

– Далее последовала учеба на факультете иностранных языков Кировского педагогического института в 1970–1975 гг.

– Факультет славился высоким уровнем подготовки. Деканами в годы моей учебы были замечательные педагоги Марионелла Владимировна Оношко и Тамара Леонидовна Машанова. Очень сильными преподавателями были Роза Исааковна Фишман, Ирма Сергеевна Милова, Надежда Романовна Дятлова, Галина Михайловна и Михаил Израилевич Смирновы, Галина Владимировна Большакова, Евгения Дмитриевна Бембель, Мая Григорьевна Яновская, Светлана Николаевна Савина, Владимир Васильевич Симонов и многие другие. Я часами отработывал произношение в лингафонных кабинках.

В то время огромное внимание уделялось занятиям по физкультуре. Каждые два месяца происходила смена места их проведения: в первом семестре это были тренировки в зале, потом на лыжах, во втором семестре – сначала плавание, а весной – спортивное ориентирование. Воистину великим подвижником своего дела был преподаватель физкультуры Леонид Александрович Куклин.

За годы учебы каждый студент должен был один раз съездить в стройотряд, и при этом он освобождался от работы в колхозе. Но я был дважды стройотрядовцем и в колхоз на уборку урожая ездил каждый год. Мне это было просто интересно. Вожатым в пионерлагерь ездил несколько раз, один раз «по обязательке», «на оценку», а потом – для души. Даже работая потом в школе, напрашивался в вожатые в районный лагерь. В школе я работал действительно по призванию. Нижнеивкинская школа мне часто снится до сих пор.

Особое внимание в институте уделялось сдаче норм ГТО, которые были исключительно сложными. Те, что приняты пару лет назад, у меня вызывают усмешку. Из всего выпускного курса – а это более ста человек! – значок получила, помимо меня, еще Надежда Рудольфовна Састамойнен, которая потом работала в институте на кафедре иностранных языков. Значком ГТО я гордился больше, чем красным дипломом!

Но вот чему в те годы совсем не уделялось внимания, так это студенческой науке. Конкурсы проводились разве что по общественным наукам. Сейчас это прозвучит как шутка, но в первый раз я услышал слова «аспирантура» и «диссертация» в ноябре 1979 г., на собственной свадьбе от одного из гостей. До этого я на полном серьезе считал, что ученые степени раздают местные партийные органы; всякие там райкомы, горкомы и обкомы, тем, кто «хорошо себя ведет».

– *Согласитесь, типичная картина: студент учился на отлично, а в школе работать не может.*

– Не скажу, что и мне было легко, особенно поначалу. Тем более что мне пришлось работать в школе, которая в те годы не без оснований считалась едва ли не лучшей сельской школой страны, – в Нижнеивкинской Куменского района. Ею руководил поистине выдающийся педагог Геннадий Ефимович Заузолков. Без преувеличения скажу: я вспоминаю его каждый день. В пятом томе моего только что вышедшего десятитомного собрания историко-педагогических монографий ему посвящена отдельная глава. Мысленно пытаюсь представить, как бы он поступил на моем месте. Естественно, я, как могу, пытаюсь воздать должное педагогам-нижнеивкинцам, моим бывшим коллегам. Опубликовал немало материалов мемуарного характера.

Но прошли годы, и все мои коллеги уже давно на пенсии или ушли из жизни... Несколько лет тому назад побывал на территории школы, и что я увидел? Хоккейный стадион зарос лесом. Недаром говорят, никогда не возвращайся туда, где тебе когда-то было хорошо.

По семейным обстоятельствам после Нижнеивкино я два года работал в Опарино. Там родилась дочь Лена; она потом тоже училась на инфаке, стала кандидатом педагогических наук, доцентом, 10 лет работала в нашем университете.

– *В 1981 г. началась Ваша карьера в КГПИ...*

– Я вообще-то планировал работать на кафедре иностранных языков, но зав. кафедрой педагогики Василий Федорович Сахаров убедил меня работать на его кафедре. Представляет, его подкупило то, что я работал именно в Нижнеивкино. Кстати, и в Опарино меня встретили с неподдельным энтузиазмом, и только на том лишь основании, что я до этого «работал в той самой Нижнеивкинской школе». Это звучало тогда примерно так же, как если бы я рабо-

тал в школе Сухомлинского под его личным руководством. Так вот, в то время Сахаров открыл лабораторию профориентации на профессию учителя с оплачиваемой должностью заведующего, которым я и стал.

В течение года я сдал все кандидатские экзамены, причем для того, чтобы получить право сдать экзамены по педагогике и философии, мне приходилось ездить по субботам и воскресеньям *на каждое занятие* в Москву и Горький в течение всего учебного года. Вот такое было мне поставлено условие, и я его выполнил! Помимо этого, я сдал все три вступительных экзамена на отлично.

Конкурс в аспирантуру НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР в 1982 г. составлял 47 человек на одно место, причем я был единственным, кто поступал без персонального направления. Как мне объяснили в КГПИ, «а вдруг вы не поступите, и на институт ляжет пятно». Но я поступил. А вот один преподаватель из Кирова, поступавший в том же году в МГПИ на специальность «История», не прошел по конкурсу и покончил с собой, выбросившись из окна московского общежития.

Вообще в те годы должность преподавателя вуза считалась очень престижной и высокооплачиваемой. Зав. кафедрой, профессор, даже будучи кандидатом наук, получал такую же зарплату, как первый секретарь обкома партии, то есть глава целого региона, – 500 р.

Аспирантские годы были самыми счастливыми и интересными в жизни. Моим научным руководителем была член-корреспондент АПН СССР, доктор педагогических наук, профессор Ольга Сергеевна Богданова, автор известной в те годы каждому учителю книги «Примерная программа воспитания школьников». Именно она сделала так много для популяризации трудов и идей Макаренко, лично реально помогала Сухомлинскому.

Зачисление в аспирантуру совпало – день в день – со сменой руководства в стране, и новый лидер Ю. В. Андропов, как известно, провозгласил курс «не на громкие слова, а на громкие дела». (Эти «дела» до сих пор «кормят» авторов детективов). Установившиеся политические ориентиры требовали от научно-педагогических работников новых исследовательских подходов, решения ими таких проблем, которые ранее не входили в поле зрения специалистов в области образования. Приходилось отказываться от всего того, что десятилетиями наработывалось в научно-исследовательских лабораториях и на кафедрах, а потом получало отражение в учебниках и журналах. Большой проблемой для нового поколения аспирантов стал поиск новой тематики диссертаций.

В один из дней я прогуливался по Москве и неподалеку от здания комбината «Известия» наткнулся на барельеф, сохранившийся еще с начала 1920-х гг. Это были высеченные в камне слова П. А. Кропоткина: «Вся наша надежда покоится на людях, которые сами себя кормят». Решение пришло почти мгновенно, – надо прививать молодому поколению деловые качества, но не пресловутую буржуазную деловитость, а новую деловитость, с, так сказать, социалистическим, советским содержанием. 17 октября 1985 г. проходила защита, – это был начальный, еще эйфорический период горбачевской «катастрофы». В выступлениях членов диссертационного совета сквозило одобрение прозорливости диссертанта и его научного руководителя.

Опытно-экспериментальная работа осуществлялась сразу в нескольких регионах, в столичных и подмосковных школах, а также в родной для меня Нижнеивкинской школе. Пришлось даже стать одним из организаторов и непосредственным участником учебно-производственного процесса старшеклассников на Кировском трикотажно-перчаточном объединении и Кировском текстильном комбинате. Для того чтобы оценить по достоинству труд других, – в данном случае девушек-старшеклассниц, проходивших трудовую практику на указанных предприятиях, – я даже освоил работу на соответствующем оборудовании.

Годы учебы в аспирантуре дали мне очень многое. В то время здесь функционировали лаборатории патриотического, семейного, нравственного воспитания, пионерской и комсомольской работы и др. Именно научными сотрудниками и соискателями института разрабатывались многие педагогические новации, которые потом воплощались в практику в школах страны. Забавно было мне читать в «Комсомолке» или «Пионерской правде» об очередном «почине» якобы «с мест» («Пионерская двухлетка», «Миллион тонн – Родине» и др.), который на самом деле «рождался в муках» на «лабораторных посиделках», в том числе с моим непосредственным участием.

Особенно много работы у научных сотрудников и аспирантов было в связи с объявленной в январе 1984 г. реформой общеобразовательной и профессиональной школы. Активное

участие в сборе и обработке поступавших в АПН СССР предложений с мест, а затем и в подготовке ряда документов, принимал и я. В нашем НИИ работали известные всей стране ученые-педагоги, такие как И. С. Марьенко, Л. И. Новикова, С. В. Мягченков, Б. Е. Ширвиндт, Б. З. Вульф, Л. Ю. Гордин, Г. Н. Филонов и др. В присутственные дни проводились обсуждения подготовленных к печати рукописей. Помню, особые споры вызвала книга М. Д. Виноградовой и И. Б. Первина «Коллективный способ обучения». Многие участники дискуссии, в том числе и я, выступили против самой идеи, вынесенной в название монографии. Тем не менее, книга вышла, а заложенные в ней идеи до сих пор вызывают споры.

Перед нами постоянно выступали наиболее известные педагоги-теоретики того времени, в их числе президент и вице-президент АПН СССР М. А. Кондаков и Ю. К. Бабанский, а также И. Ф. Харламов, Б. Т. Лихачев и др. С огромным интересом я участвовал во встречах с выдающимися психологами (К. К. Платонов, А. В. Петровский) и педагогами, такими как М. Н. Скаткин, А. А. Шибанов, В. Е. Гмурман, Э. И. Монозон. Эти педагоги были близкими соратниками основоположников советской педагогики и образования А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, А. С. Бубнова и С. Т. Шацкого, хорошо знали А. С. Макаренко. А академик Э. И. Монозон, выпускник Вятского пединститута 1926 года, и вовсе был тем человеком, который пригласил Макаренко в 1938 г. в Народный комиссариат просвещения РСФСР для чтения лекций. Знакомство с Эле Исаевичем Монозоном, его рассказы о старой Вятке и пединституте той поры стали первым толчком для пробуждения у меня интереса к тому, чтобы впоследствии заняться всесторонним научным изучением темы «Просвещение в Вятском крае».

Образцово была поставлена в АПН работа по организации культурного досуга аспирантов. Расписание субботних мероприятий составлялось на год вперед. Был специальный сотрудник, который всем этим занимался. В 15-этажное общежитие на ул. Керченской приходили известные журналисты, литераторы, артисты: Игорь Фесуненко, Леонид Филатов, Владимир Конкин, Махмуд Эсамбаев... Свои национальные вечера-концерты готовила каждая «диаспора»: немцы, кубинцы, вьетнамцы, монголы, поляки, литовцы, таджики, русские и др.

Постоянно проводились бесплатные экскурсии, причем не только по Москве и Подмосковию (Абрамцево, Загорск, Архангельское и др.), но и в соседние области, например, во Владимир, на место гибели Гагарина и т. д. Особенно запомнилась экскурсия в Кремль, с посещением кабинетов В. И. Ленина, И. В. Сталина, М. С. Горбачева и Н. И. Рыжкова, зала заседаний Политбюро. АПН добивалась права на такую редкую экскурсию не один год. Я был включен в состав экскурсантов в качестве «запасного». Перед ее началом у входа в Спаскую башню стали проверять наличие паспортов, и выяснилось, что их при себе нет практически ни у кого. В итоге, вместо тридцати научных сотрудников на экскурсию отправился со мной еще один аспирант.

К аспирантской спартакиаде по более чем десяти (!) видам спорта, в том числе по футболу, готовились чуть ли не как к защите диссертации. Интрига заключалась в том, что соревновались между собою «сборные этажей»; на каком этаже живешь, за тот и выступаешь. А в эти годы среди аспирантов было немало недавних участников Московской Олимпиады, и все иногородние «олимпионики» селились исключительно на 12-м этаже. Победить «легенд» было делом чести для нас, «простых смертных»... У меня на ладони на всю жизнь остался шрам после столкновения с одной такой олимпийской «звездой».

После досрочной защиты кандидатской диссертации я вернулся в КГПИ, и мне было предложено стать секретарем комитета ВЛКСМ. Я, конечно, наотрез отказался, и эта должность досталась выпускнику института Азису Алиевичу Агаеву. Я же стал ответственным за всю художественную самодеятельность на общественных началах. Правда, уже через год я был избран проректором института. Впервые в истории нашего института проректора не назначали, а избирали. На утверждении в министерстве мне сказали, что я единственный в стране беспартийный проректор. В этой должности я проработал десять лет. Мне приходилось руководить работой заочного отделения, внебюджетной сферой, организацией разного рода мероприятий, таких как демонстрации, праздники, студенческая самодеятельность и т. п.

Я все время стремился внести в работу что-то новое. Приведу такой пример. По моему настоянию приказом областного отдела образования, – начальником был Н. П. Смышляев, – студенты-заочники из всех районов Кировской области были закреплены за конкретными школами областного центра; они имели право проживать во время сессии прямо в этих школах. Каждый район завез в школы постельные принадлежности. Для студентов проживание было бесплатным. А вот для директоров школ это была, конечно, неприятная обуза. Помню,

как директор школы № 29 А. А. Галицких жаловался, что студенты проникают в его кабинет и звонят по «межгороду».

Или еще пример. В министерском журнале «Народное образование» в материале «Специалист по заказу» я впервые в советской печати предложил и обосновал идею платного образования, естественно, в дополнение к бесплатному. Это предложение вызвало лавину писем в министерство, в редакцию и в мой адрес, причем их направленность была диаметрально противоположной, – от одобрительной до сугубо негативной. Но прошел всего один год, и платное высшее образование в России стало реальностью. А в КГПИ вопросом его организации было поручено заниматься как раз мне.

Кстати, спустя 20 лет, в 2009 г., я проходил собеседование в министерстве на предмет занятия должности ректора ВятГГУ. И вот, вместо того чтобы, как все «нормальные» кандидаты, согласно кивать и поддакивать министру А. Фурсенко, я сам начал его упрекать в насаждении никчемной «болонской», – так и хочется назвать ее «болванской», – системы образования, в отказе от двойных специальностей, в необоснованном насаждении платного образования и прочих «смертных грехах». Естественно, после всего этого на благоприятный исход собеседования я уже не мог рассчитывать. Правда, «проиграл» я с минимальным разрывом: шесть голосов – «за», семь – «против», при нескольких воздержавшихся. Так что до выборов в самом университете меня так и не допустили. Что поделаешь, не судьба...

– Но ведь Вы сами, по Вашим словам, в свое время выступали за введение платного образования?

– В 1990 г. я считал его всего лишь средством борьбы с коррупцией в вузах. Я и представить себе не мог, что оно получит такое неадекватно широкое распространение.

– С декабря 1996 г. Вы стали старшим научным сотрудником и начали работу над докторской диссертацией...

– У меня к тому времени уже было несколько хороших книжек, вышедших в центральных издательствах: «Воспитание деловых качеств у школьников» (Москва, «Знание»), «Учебническое самоуправление в школе: сегодня и завтра» (Киев, «Радянська школа», тираж 40 тысяч экземпляров!), «Воспитание всесторонне развитой личности школьника в процессе трудовой деятельности» (Кишинев, «Штиинца») (последние две в соавторстве), но все они были написаны на разнонаправленные темы, которые не стали для меня «родными».

В конце 1980-х гг. произошло событие, которое перевернуло мою жизнь. Кировский пединститут готовился к празднованию своего 75-летия. В рамках подготовки к юбилею ректором Василием Афанасьевичем Патрушевым мне было поручено создание музея истории института. Кроме того, я стал основным автором юбилейной книги.

(Кстати, спустя 15 лет я принял активное участие в подготовке трехтомника к 90-летию университета; один том был посвящен руководителям института в разные годы, другой – истории вуза, третий – содержал биографические сведения о каждом преподавателе. Я написал значительные по объему материалы в первые два тома и был составителем третьего).

В процессе осуществления деятельности по организации празднования юбилея института в 1989 г. мне приходилось встречаться с ветеранами института, которые были его студентами и сотрудниками в 1920–1930-е гг., такими как В. Н. Никологорский, Е. С. Садырина, С. М. Дриго, В. С. Крекнин, сын первого ректора института Николая Андреевича Дернова Юрий Николаевич и многие другие.

Вся эта работа дала исключительно богатый фактологический материал, который просто «просился на бумагу». В итоге тиражом в 10 000 экз. вышла книга «Педагоги и психологи Вятского края». Именно эта книга сделала мое имя известным в среде историков педагогики и дала мне как автору плодотворную творческую идею, которую я и поныне успешно реализую в своих многочисленных работах. Эта идея заключается в том, что российская провинция в плане исследования истории просвещения в ней также, наряду с российскими столицами, является достаточно репрезентативным объектом исследования. Дело в том, что на протяжении многих десятилетий в официальной истории педагогики и в соответствующих научных кругах утвердилось и стало фактически незыблемым правило – все проблемы рассматривать и раскрывать исключительно на материале «двух столиц». Монографии, базировавшиеся на местном материале, просто не печатались, а диссертации по истории образования и педагогической мысли, подготовленные на «провинциальном» материале, к защите не допускались. (Исключения делались разве что для национальных регионов.)

Вместе с научным консультантом по докторской диссертации Захаром Ильичом Равкиным мы поставили перед собой задачу, которая заключалась в том, чтобы научными средствами, т. е. своей диссертацией и публикациями, убедить авторитетное научное сообщество историков педагогики в возможности построения крупного научного исследования на провинциальном материале. С результатами своих изысканий я выступал в целом ряде городов России, а также на авторитетных научных форумах в Германии (Йена, 1995) и Чехии (Подебрады, 1996), организованных европейским педагогическим движением «Jena-Plan-Schule». Я был одним из инициаторов и активным участником проводившейся в КГПИ серии из семи конференций «Вятская земля в прошлом и настоящем» (1989–2013).

Многие мои публикации содержали материал, впервые вводимый в науку. Так было, например, с личностью вятского уроженца Максима Петровича Коробейникова, необыкновенного человека, добившегося больших достижений в разных сферах деятельности. Герой Великой Отечественной войны, генерал-майор, доктор психологических наук, профессор, основоположник военной психологии, член Союза писателей СССР, автор замечательных книг-мемуаров. Все эти разноплановые достижения вместила в себя жизнь одного человека! При моем содействии ВГТРК «Вятка» в 1995 г. сняла о М. П. Коробейникове двухчасовой документальный фильм.

Иногда сделанные мной «мини-открытия» удивляли меня самого. Так, разрабатывая биографию выдающегося ученого-педагога, вятского уроженца В. И. Фармаковского, я установил факт его родства с первым председателем Вятской губернской земской управы М. М. Синцовым, а через его семью – с Н. П. Бараковым, героем краснодонского подполья, персонажем фадеевской «Молодой гвардии»...

...Углубился в изучение биографии вятского педагога М. Л. Песковского, а он оказался родственником... В. И. Ленина, и далее родственные связи потянулись к экс-президенту ФРГ Рихарду фон-Вайцеккеру и немецкому генерал-фельмаршалу Второй мировой войны Эрвину Роммелю...

...Познакомился с выпускником Вятского пединститута профессором Н. П. Борисовым, а тот оказался племянником знаменитого русского художника А. А. Борисова, любимца П. М. Третьякова, и другом легендарного «председателя Новой Земли» ненца Тыко Вылки...

...Разговорился с пенсионером Уриным, а у того брат Валерий – чемпион СССР по футболу, одноклубник Льва Яшина... Эта встреча дала толчок к написанию книги «Когда победы были большими (Очерки о вятских футболистах)».

...Я познакомил читателей с судьбой внебрачной дочери С. М. Кирова Евгенией Сергеевной Костриковой и разыскал ее могилу... Кстати, в 2021 г. исполняется 100 лет со дня ее рождения.

...Изучая историю Вятской мужской гимназии, заинтересовался судьбой одного из ее директоров, Ф. М. Керенского, который оказался отцом премьер-министра Временного правительства А. Ф. Керенского...

...Отталкиваясь от реалий своего родного Веймара и его главного «бренда» – Гёте, я «вышел» на проживавшую в Вятке семью Трейтеров, – предположительно, это потомки И. В. фон-Гёте, – изучил ее в нескольких поколениях, а затем изложил все добытые в результате напряженного труда сведения в ряде публикаций.

И таких встреч, открытий, находок в моей творческой биографии было множество. Я неизменно стремился к тому, чтобы сделать свои исторические открытия достоянием возможно большего круга читателей.

Вообще, когда я встречаю что-то интересное, имеющее отношение к образованию или истории, я сразу же начинаю думать о том, как это отобразить в публикации. Практически каждая публикация – результат неустанных научных изысканий.

Некоторые публикации ждали «своей очереди» почти сорок лет, например, материалы о Джоне Дьюи и ряде других зарубежных педагогов, которые раньше не принимались журналами по идеологическим соображениям.

Больше всего меня угнетает то обстоятельство, что тиражи книг и журналов, в которых печатаются мои труды, крайне небольшие. Возьмите, например, главный наш журнал «Педагогика». Когда-то он имел тираж в миллион экземпляров, а сейчас – всего одна тысяча! Мне это особенно обидно, поскольку я самый печатаемый автор этого журнала за всю его 85-летнюю историю. Более того, его тексты вообще не представлены в интернете. Сколько ни пиши, кто это всё прочитает?!

По статистике, примерно в 95 % докторских диссертаций решается крупная научная проблема, оставшиеся 5 % приходятся на открытие нового научного направления. По мнению зав. кафедрой педагогики высшей школы В. А. Слостенина, моя диссертация как раз знаменовала собой открытие нового направления в истории педагогики – *историко-педагогической регионалистики*. Идеи этого научного направления получили развитие в коллективной монографии «Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания» (М., 1997).

– После защиты докторской диссертации весной 1999 г. Вы были избраны деканом факультета начальных классов.

– Спустя два месяца к нему был присоединен факультет дошкольного воспитания, затем специальность «Социальная педагогика». В итоге возглавляемый мной факультет стал одним из крупнейших по численности студентов. По количеству внебюджетных студентов он стал лидером, а по доходам входил в тройку наиболее успешных в университете. При этом у нас была самая низкая плата за обучение. Предметом моей гордости была высокая востребованность выпускников. Во многом это объяснялось тем, что студенты получали двойную, причем весьма престижную специальность – «Учитель начальных классов и английского (или немецкого) языка». Я руководил факультетом, – день в день, – 10 лет 6 месяцев, с 1 мая 1999 г. по 1 ноября 2009 г. и за это время четырежды успешно проходил альтернативные выборы.

– Судя по тому, что основная часть Ваших публикаций опубликована в последние десять лет, «освобождение» от административно-управленческой работы дало возможность уделять значительно больше внимания научной деятельности.

– Да, к этому времени я полностью удовлетворил свои организаторские амбиции и поэтому сосредоточился на учебной и особенно на научной работе. Принял активное участие в создании коллективных изданий: учебного пособия «Методология педагогической науки» и учебно-справочного пособия «Религии народов Вятского края». Творческое удовлетворение мне принесли вышедшие в университетском издательстве монографии «Российские педагоги второй половины XIX – начала XX вв.», «Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги» и «История образования в Вятском крае в XIV–XVIII вв.»

В 2012–2013 гг. в издательстве «Радуга-Пресс» был осуществлен выпуск трех моих крупных работ на электронных компакт-дисках: учебного пособия «Российские педагоги второй половины XIX – начала XX вв.», монографии «История Вятского образования: XIV – начало XXI вв.» и учебника «Педагогика и психология» под общим девизом «Поиски утраченного». Издание имеет прекрасный дизайнерский вид, удобную навигацию. Электронный формат позволил включить очень значительный по объему материал. Так, второй том включает 1200 страниц в пересчете на обычный страничный текст и около 300 фотографий. При этом стоимость такого издания оказалась невелика, что позволило издавать его значительным тиражом.

За издание этой серии в 2014 г. я был удостоен звания «Ученый года ВятГГУ», как победитель университетского конкурса научных работ в гуманитарной области. Эта серия положила начало выпуску аналогичных изданий других авторов. Но меня эта идея перестала удовлетворять, поскольку диски, как известно, всё более выходят из употребления. На современных компьютерах и дисководов-то нет.

– Какая книга Вам особенно дорога?

– Это вышедшая в 2018 г. в известном московском издательстве «Вече» в знаменитой серии «100 великих...» моя книга «100 великих педагогов» [9]. Она вышла большим тиражом, продавалась во всех книжных магазинах страны. В интернете масса сайтов, на которых ее можно было заказать. Особенно ответственно для меня, как для автора, было сделать правильный выбор этих ста великих. В интернете есть немало откликов; все они позитивные.

В тот же год, год московского «мундиала», у меня вышла книга «Когда победы были большими. Очерки о вятских футболистах». В ней я рассказал о вятских футболистах, которые проявили себя на всесоюзной арене, а также о тех московских «звездах», которые часть своей спортивной биографии выступали за кировское «Динамо». В качестве обложки мной была взята фотография с Л. И. Яшиным, которая позднее была использована Банком России при создании юбилейной банкноты в 100 рублей.

– Только что закончено издание десятитомного собрания историко-педагогических монографий...

– В 2018 г. у меня родилась идея издания серии монографий под общим названием «Просвещение на Вятке» в пяти томах. В этих книгах, выпущенных издательством ВятГУ в

2018–2019 гг., частично обобщены изданные в последние годы материалы, но они содержат и много нового, ранее не публиковавшегося материала. Названия этих томов предельно информативны и говорят сами за себя. В 2020 г. серия книг продолжилась, правда, там уже вятская тематика не доминирует, хотя и представлена в разной степени во всех томах, кроме шестого. Вышли 6–10 тома. В 9-м томе, – он называется «Историко-педагогическая регионалистика», – приводится *избранная* библиография моих трудов по истории педагогики, насчитывающая 500 наименований, и сведения по моему участию в научных конференциях, посвященных этой проблематике.

Выходом этого собрания реализована идея выпуска единственного в российской, а может быть и в мировой науке, десяти томного издания историко-педагогических монографий, причем монографий, специально написанных для серийного издания. Все тома серии оформлены в едином стиле, содержат большое количество фотографий и сквозную нумерацию.

Все монографии размещены на сайте университета. Более того, абсолютно все упомянутые в этом интервью книги есть в наличии в библиотеках ВятГУ и имени А. И. Герцена.

– *Ваши материалы представлены в энциклопедических изданиях...*

– Да, я участвовал в таких проектах, как «Российская педагогическая энциклопедия», «Российский энциклопедический словарь», «Вятская энциклопедия». Всегда считал важным для себя поддерживать своим участием научные конференции. Всего стал участником более 150 научных конференций. Также стремлюсь давать свои материалы в журналы; в разные годы сотрудничал с более чем 40 журналами. Особенно ценным для себя считаю опубликованные 30 статей в «Педагогике», и столько же в «Вестнике ВятГУ (ВятГГУ)», десятки статей в «Начальной школе», «Воспитании школьников», «Народном образовании» и других центральных изданиях. Важными также считаю публикации в авторитетных зарубежных журналах, таких как «The history of education and children's literature» (Италия), «XLinguae» (Словакия), «Elpis» (Польша) и др.

Являюсь членом редколлегии двух «ваковских» журналов, – «Вестник Вятского государственного университета» и «Педагогика. Вопросы теории и практики» (Тамбов), а также членом редакционного совета журнала «Медицинское образование сегодня» (Киров).

– *Сложно ли писать книги, тем более в таком количестве?*

– Представьте, что Вы задали вопрос водителю автобуса, сложно ли ему выйти в рейс... Конечно, определенные трудности встречаются в работе, главным образом, в плане поиска темы очередной публикации. А вот ее реализация, то есть сам процесс написания, никаких сложностей у меня не вызывает, наоборот, ощущаю чувство радости и творческого азарта. Я ведь это рассматриваю не как обязанность по выполнению некоего плана научной работы, а исключительно как интеллектуальное удовольствие.

Я мог бы, конечно, писать много больше, но, к сожалению, сложившаяся в настоящее время ситуация не подразумевает каких бы то ни было материальных, моральных и эмоциональных стимулов. Более подробно на эту тему в интервью я говорить не решаюсь.

К созданию новых публикаций меня влечет огромный интерес к самому этому занятию и, в какой-то степени, чувство морального долга перед историей. Я имею в виду перед историей педагогики как наукой. То, о чем пишу я, другие ведь не напишут. К тому же, в своих публикациях я стремлюсь внедрять новый стиль изложения научного материала, а именно, такой стиль, который бы привлекал читателя, заинтересовывал его, служил бы образцом для подражания для других авторов.

– *Какое участие Вы принимали в подготовке научно-педагогических кадров?*

– Входил в состав диссертационного совета в нашем университете, причем был одним из четырех человек, наряду с М. Г. Яновской, В. С. Данюшенковым и В. Ф. Юловым, кто был в числе членов весь срок его работы (1995–2012). О работе этого совета у меня была исчерпывающая по информативности статья в «Вестнике ВятГУ». Входил много лет и в состав совета в Удмуртском госуниверситете. Подготовил несколько кандидатов наук.

Кстати, я уже на протяжении полутора десятков лет вхожу в состав городской комиссии по присвоению звания «Почетный житель г. Кирова». В нее входят несколько человек, и все они, кроме меня, давно имеют это звание.

– *Что Вы думаете по поводу нынешнего состояния педагогической науки и педагогического образования?*

– Я постоянно думаю над этим. Но в силу ограниченности объема интервью, ответу очень кратко.

К сожалению, у практических педагогов крайне неприязненное и при этом вполне обоснованное отношение к трудам по педагогике. И это не случайно. Ведь подавляющее большинство авторов никогда не работали учителями или были ими очень недолго и при этом давно. А многие и педагогического образования-то не имеют. О необходимости наличия литературного таланта для написания книг я уж и не говорю... Однако всех преподавателей вузов сейчас заставляют *«что-то писать»*. Это, может быть, прекрасный преподаватель, а писатель-то из него, – никакой. Нет, всё равно, от него требуют «публикаций».

(Но даже великие люди далеко не всегда были «многостаночниками». Максим Горький, к примеру, отличался косноязычием. Поэтому, когда его просили выступить перед аудиторией, он обычно говорил: «Я вам лучше напишу, а вы уж там сами зачитаете...»).

Не случайно, сейчас в книжных магазинах, – и Киров в этом отношении не является исключением, – даже нет педагогического отдела. Отдел психологии есть, а педагогического отдела – нет; продаются разве что учебники и методические пособия для учителя. В целом, в педагогической литературе господствует «Ее величество серость».

Теперь о педагогическом образовании. Поскольку педагогика и ее практическое воплощение есть сочетание науки и искусства, – вряд ли кто станет с этим спорить!, – то и процесс подготовки педагогических кадров должен быть гармоничным сочетанием теории и ее реализации, так сказать, «на сцене жизни». Нынешняя модель профессионального образования была предложена еще Ф. В. А. Дистервегом 200 лет тому назад. Суть ее состоит в том, что сначала идет теоретическое обучение, и только затем – практика. В итоге, ближе к концу обучения, после практики, многие студенты разочаровываются в избранной профессии, но все равно оканчивают вуз; не бросать же учебу на третьем-пятом курсе?! А вот если бы они понастоящему «окунулись» в профессию с самых первых дней, для многих из них потенциальное разочарование пришло бы гораздо раньше, и им было бы легче сделать повторный выбор, в пользу совсем другой профессии.

Как я представляю себе модель подготовки специалиста в будущем? Представим студентов 1 курса, которые собираются стать, например, зооинженерами. Поначалу их всех определяют по животноводческим, птицеводческим и иным фермам. Это их место *«постоянной дислокации»*, т.е. работы. Обучение – через интернет, а также путем периодически проводящихся очных сессий в вузе. На втором и последующих курсах им определяют новые, более ответственные должности на этом же или смежном производстве. (А студенты других профилей, соответственно, работают на заводе, в школе и т. д.). Скажем, студенты-педагоги работают и лаборантами, и вожатыми, и помощниками учителя, и, наконец, учителями. Так в течение пяти лет студенты и учатся, и всесторонне осваивают избранную профессиональную область.

Конечно, сейчас такое предложение производственники и вузы примут в штыки. Поэтому я его и не выдвигаю, чтобы не прослыть сумасшедшим. Я просто-напросто уверен, что так в свое время будет. Но пока наши руководители всех рангов, в том числе в образовании, еще не созрели для таких радикальных перемен.

– Но ведь для того, чтобы эти планы сбылись, надо за них бороться.

– Правильно, но я по натуре не боец. За всю жизнь я ни разу ни с кем не спорил, никогда никому ничего не доказывал. Даже когда меня в чем-то понапрасну упрекали, я никогда не оправдывался. Пусть человек думает, что он прав; ему же от этого приятно, а мне в любом случае всё равно. Как в детстве говорил мне тренер конькобежной секции: «Почему ты не хочешь победить?» Я отвечал: «Если я стану победителем, тогда кто-то другой им не станет». И потом, все эти планы возможного переустройства образования вовсе не мои планы, а всего общества. Свои личные планы я, как умею, реализую, а за всех отвечать не могу.

– Какие слова являются Вашим девизом?

– Если иметь в виду мое нынешнее мироощущение, то я ответил бы словами Б. А. Ахмадулиной: *«Забуться, в книге обитать, не ведать вздора и раздора...»*. Моя научная, преподавательская и общественная деятельность пока еще продолжается. В планах, как и прежде, *поиски утраченного*.